

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ МЫШЛЕНИЯ

// Мышление и язык - под ред. Д. П. Горского. Государственное
издательство Политической литературы М., 1957

Проблема происхождения языка, а вместе с ним и специфически человеческого способа отражения действительности — отвлеченного мышления, представляет вполне понятные трудности. Колыбель речевой культуры, дав начало развитию многочисленным ныне существующим языкам мира, погибла вместе со смертью ее носителей, не оставив после себя в силу отсутствия письменности никаких следов в виде фиксированных памятников. Косвенных данных, которые позволили бы проникнуть в истоки формирования речи, долгое время не существовало в распоряжении науки. Поэтому этот вопрос в прошлом пытались решать главным образом умозрительным путем. Неугасающий интерес к данной проблеме в условиях отсутствия необходимого фактического материала толкал теоретическую мысль ученых к созданию всевозможных гипотез'.

При решении проблемы происхождения языка следует с самого начала разграничить различные стороны этой комплексной проблемы. Нужно прежде всего выяснить естественную предысторию общественной истории формирования языка, т. е. вопрос о биологических предпосылках речи. Необходимо, далее, выяснить, какие объективные условия жизни формировавшегося человека могли породить и реально породили потребность во взаимном общении. Затем необходимо уяснить, что могло послужить исходным материалом, на основе которого формировалась речь, способная удовлетворить возникшую потребность во взаимном общении. Решение проблемы происхождения языка предполагает также выяснение способа или механизма образования связи между звуками и образами предметов и явлений реального мира. Следует вместе с тем хотя бы гипотетично наметить, какие стадии прошел процесс формирования речи, процесс превращения инстинктивных звуков животных в членораздельную речь человека. И, наконец, нельзя обойти и вопрос о том, каким образом на основе устной речи возникла письменность.

Поскольку формированию человека предшествовала длительная эволюция животных, возникновению человеческого мышления — история умственного развития животных, а появлению языка — биологические предпосылки речи у высших животных, то мы и начнем рассмотрение проблемы происхождения языка с его биологических предпосылок.

Биологические предпосылки речи

Многие млекопитающие животные ведут стадный образ жизни, который выражается в различных формах взаимной связи между особями данного стада. Эти связи, сложившиеся в ходе эволюции данного вида животных, предполагают наличие определенных средств взаимной сигнализации, образовавшейся в результате совместной жизни животных, составляющих данное стадо, и обуславливающей его существование и развитие.

Средства взаимной сигнализации животных могут быть двоякого типа: звуковые (основанные на слуховом и звукопроизносительном анализаторах) и мимико-жестикуляторные (основанные на зрительном и моторном анализаторах). В процессе общения животных обе эти формы сигнализации теснейшим образом связаны между собой, дополняя друг друга. В целях удобства изложения мы рассмотрим их порознь. Это даст возможность обстоятельнее выяснить сущность как звуковой, так и двигательной сигнализации.

Звуковые средства сигнализации. Подавляющее большинство животных обладает специфически устроенными звукопроизносительными органами, функционирование которых имеет для животных существенное приспособительное значение. Звуковые сигналы возникли как результат взаимодействия животного организма с окружающей средой и прежде всего с другими представителями животного мира.

Первый, кто начал специальное систематическое изучение голосовых реакций и выразительных движений у животных, был Ч. Дарвин, обобщивший свои многочисленные наблюдения (а также наблюдения других ученых) в книге «Выражение эмоций у человека и животных». Стремясь уничтожить пропасть, отделяющую человека от животных в области речи, пропасть, искусственно созданную защитниками идеализма и религии, Дарвин впал в противоположную крайность. Он перенес черты, свойственные только человеку как социальному существу, на животных, утверждая, что, например, собака понимает многие слова и предложения, а попугай, научившись издавать членораздельные звуки человеческой речи, якобы способен «связывать определенные звуки с известными понятиями» \.

Последователи Дарвина, например Романэс и др., усугубили ошибки своего учителя в направлении еще большей антропоморфизации звуковых реакций животных, отождествляя звуки животных с членораздельной человеческой речью. В работе «Язык обезьян» американский исследователь Гарнер в результате тщательных и продолжительных наблюдений за жизнью сообщества обезьян пришел к выводу, что у них существует сходная с человеческой членораздельная речь, насчитывающая в своем словарном запасе более десяти слов. Более того, он считал, что наряду с общими

речевыми нормами, характерными для данного вида обезьян в определенном ареале их обитания, существуют межвидовые и территориальные наречия, что-то вроде диалектов. Гарнер допускал возможным истолковывать звуковые реакции обезьян, когда они осуществлялись на воле в стаде или в неволе, при обитании обезьян в парном существовании в клетке, как разумный, целенаправленный разговор, взаимный обмен всевозможными впечатлениями. Одним словом, рассуждения Гар-нера о звуках обезьян были крайне антропоморфичны и не имели ничего общего с подлинно научным исследованием этого вопроса.

В результате более точного анализа звуковой сигнализации человекообразных обезьян (гibbonов) французский ученый Бутан пришел к выводу о том, что звуки, произносимые обезьянами этого вида, представляют собой не что иное, как врожденную, инстинктивную псевдоречь. Он утверждал, что гibbonы имеют четыре группы звуков, в каждой из которых некоторые звуки могут быть приняты за слова, но ни один из произносимых гibbonом звуков не имел предметного содержания, не служил средством обозначения предметов, не выражал, следовательно, мысли, а являлся всего лишь формой выявления эмоционального состояния животного, вызываемого голодом, жаждой, страхом и т. п. Правда, Фарнессу (1916), воспитавшему орангутанга, удалось в результате продолжительного обучения при помощи соответствующего надавливания на губы, язык и щеки в целях создания искусственной артикуляции добиться того, что обезьяна стала произносить весьма невнятно слово «па-па». В результате Фарнесс заключает: «Если у этих животных есть язык, то он ограничен немногими звуками общего эмоционального значения. Членораздельной речи у них нет, и сообщаются они звуками не больше, чем собаки рычанием, визгом и лаем» 1.

Дальнейшие исследования ставили своей целью научить обезьян говорить при помощи членораздельной речи. Но это неизбежно и вполне естественно кончалось неудачей. Большое внимание этому вопросу уделили американские ученые Иеркс и его сотрудница Лернед. Им удалось дифференцировать 32 звуковых комплекса, которые они записали на ноты, и установили, что в большей своей части эти звуки ассоциированы с определенной, эмоционально насыщенной ситуацией — приемом пищи, питьем, появлением других животных, людей и т. п. В течение примерно 8 месяцев они упорно добивались того, чтобы научить молодого шимпанзе произносить осмысленно и целенаправленно некоторые слова человеческой речи. Но в итоге Иеркс вынужден был признать, что хотя голосовые реакции весьма часты и разнообразны у молодых шимпанзе, но речь в человеческом смысле слова у них отсутствует. Келлогу также удалось научить молодого шимпанзе произносить слово «па-па». В. Дуров обучил даже собаку произносить слово «ма-ма». Но эти звуки лишь фонетически сходны со словами человеческой речи, по существу же они не выражают никакой мысли и не составляют поэтому элементов речи. Орангутанг и шимпанзе,

научившись произносить звуки «па-па», как правило, не издавали этих звуков произвольно и не использовали их для выражения определенной потребности в том или ином виде пищи.

К такому же негативному выводу, ставшему ныне по существу совершенно бесспорным, пришли и другие исследователи, изучавшие поведение обезьян (В. Кёлер, В. М. Боровский, Н. Н. Ладыгина-Коте, Н. Ю. Войто-нис, Н. А. Тих и др.). Так, В. М. Боровский утверждал, что нет достаточного повода приписывать речевые навыки ни обезьянам, ни каким-либо другим животным, кроме человека. Говоря о формах общения у шимпанзе, Кёлер отмечал, что их фонетические проявления без всякого исключения выражают только их стремление и субъективные состояния; следовательно, это — эмоциональное выражение, но никогда не знак чего-то объективного. Продолжительные попытки Н. Н. Ладыгиной-Коте выработать у молодого шимпанзе «Йони» связь между различными зрительными восприятиями предметов и звуками оказались также безуспешными. Ладыгина-Коте указывает на то, что к звукам шимпанзе более глух, чем к другим впечатлениям.

Известно, например, что лошади научаются различать и соответствующим образом "реагировать на некоторые звуки человеческой речи: на звуки «но» лошадь отвечает движением, на звуки «тпру» останавливается, на звуки «направо» поворачивает направо, на звуки «налево» идет налево и т. п. Некоторые птицы, например вороны, скворцы, сороки и др., путем длительной дрессировки научаются произносить отдельные «слова» и даже целые «фразы» человеческой речи. Например, в Уголке имени В. Л. Дурова имеется ворон, который в ответ на звуки человека: «Как тебя зовут?» отвечает членораздельной голосовой реакцией: «ворон», а на звуки: «Как ты хочешь, чтоб тебя звали?» отвечает: «воронуша». Неискушенный посетитель этого уголка сразу не может отличить голоса ворона от звуков человеческой речи. Всем известны случаи с говорящими попугаями, обладающими большими способностями к подражанию звукам человеческой речи. Но было бы неправильно думать, что животные вообще, «говорящие» вороны и попугаи в частности, в какой-то мере понимают значение человеческой речи и могут осмысленно говорить сами.

Однако этот вопрос решался бы крайне просто, если бы мы у животных не наблюдали никаких предпосылок речи, ничего, что находилось бы с ней хотя и в весьма опосредованном, но бесспорном генетическом родстве. Если бы, например, у обезьян не было никаких предпосылок речи, то сам собой встал бы вопрос: каким чудом на совершенно пустом месте появилась человеческая речь? Если бы дело обстояло именно так, то одно из звеньев генетической преемственности между человеком и животными, ставшей ныне неоспоримым достоянием науки, могло бы подвергнуться сомнению.

Многочисленные наблюдения и эксперименты дают возможность сделать вывод не только о том, чего нет у обезьян, но и о том, что у них имеется. Если у обезьян не существует речи в подлинном смысле слова, то у них имеются ее биологические предпосылки, т. е. то, что можно было бы, находясь в рамках строгой научной объективности, назвать предпосылками речи, подобно тому, как, или, точнее, потому, что у них имеются зачатки мышления.

Наблюдения показывают, что обезьяны, как высшие, человекообразные, так и низшие, располагают значительным арсеналом нечленораздельных звуковых комплексов, которые, не являясь речью, выполняют важную роль в их совместной стадной жизни, являются необходимым средством взаимной сигнализации. При этом, как отмечают многие ученые (Гарнер, Вебер, Брем и др.), звуки, издаваемые обезьянами, отличаются значительно большим разнообразием как по количеству, так и по своей сигнальной функции, чем звуки других животных.

Обезьяны очень часто пользуются звуковыми сигналами. При этом в голосовых реакциях обезьян наблюдается крайне важная для понимания генезиса человеческой речи закономерность: проявление звуковой реакции, частота ее проявления, количество звуковых комплексов и их акустическая специфика обусловлены прежде всего характером взаимоотношения между собой особей данного стада, а также отношением данного стада к другим животным. Чем чаще сталкиваются между собой обезьяны, чем разнообразнее формы этого столкновения, тем чаще проявляются голосовые реакции, тем многообразнее формы проявления этих реакций.

Звуковые сигналы сопровождают обычно такие формы взаимодействия обезьян, которые выражаются в спаривании, драке, угрозе друг другу, игре, совместном преследовании других животных, убегании от опасности, нахождении пищи и дележе ее, взаимном обыскивании, защите детеныша, борьбе из-за самок и т. д. и т. п. Большая спаянность членов стаи или стада неизбежно связана с разнообразными взаимоотношениями, что обуславливает возникновение потребности в сигнализации, которая осуществляется главным образом с помощью звуков, а также мимики, пантомимики и жестов.

Звуковые реакции проявляются главным образом в ситуации, вызывающей у обезьян то или иное эмоциональное возбуждение. В спокойном состоянии животные вообще, обезьяны в частности, значительно реже произносят звуки. Каждый вид деятельности животного сопровождается специфическими звуками, приуроченными именно к данной ситуации и к соответствующему, вызванному этой ситуацией, эмоциональному состоянию животного. Каждый звуковой комплекс имеет более или менее фиксированную материальную форму и, являясь условным сигналом,

вызывает у других членов данного стада более или менее однозначную реакцию).

Исследователи звуковых сигналов у животных отмечают, что существенным моментом в сигнальной функции звука является не столько качество звука самого по себе, место и способ его образования, сколько его сила, ритм, интонация и, что очень важно, всегда сопровождающие его самые разнообразные мимические, пантомимические движения и жесты животных. Если мы, например, войдем в стадо обезьян и приблизимся к какой-либо более или менее привыкшей к человеку обезьяне и будем произносить звуки, обычно издаваемые самими обезьянами в знак расположения — «мля-мля-мля», — сопровождая их соответствующей благожелательной мимикой, то обезьяна подойдет и будет ласкаться, искать в кармане лакомство, начнет копать в голове, перебирая волосы, произнося эти же звуки. Но если мы будем произносить эти же самые звуки в другом тоне, более резко и, что самое главное, сопровождать их мимикой угрозы, сдвигая брови, округляя глаза, выставляя вперед подбородок, откидывая голову, то обезьяна, отбегая, начнет произносить тревожный резкий звук, напоминающий визг, и будет угрожать, сдвигая брови, стуча руками по земле, делая порывистые движения вперед.

Реальный биологический смысл звуковой сигнализации определяется не только указанными выше факторами, но и конкретной ситуацией, всей совокупностью фактов, в контексте которых осуществляется эта сигнализация.

Для того чтобы понять природу взаимной сигнализации обезьян, необходимо предварительно выяснить те условия, в которых осуществляется эта сигнализация, вскрыть факторы, лежащие в основе стадного объединения этих животных. Как показали наблюдения Н. Ю. Войтониса, Н. А. Тих и других ученых, в основе стадного объединения обезьян лежат следующие основные факторы.

Характер размножения. Обезьяны размножаются круглый год, у них нет сезонного полового цикла и соответственно сезонного спаривания. Сексуальная связь между полами осуществляется в течение всего года. Поэтому самцы постоянно находятся вместе с самками.

Связь матери и детеныша. В отличие от других животных у обезьян период детства очень продолжительный. Детеныш мало приспособлен к самостоятельному существованию и требует продолжительного ухода за собой. Поэтому связь матери и детеныша продолжается долго, являясь одним из условий, цементирующих стадо.

Взаимное обслуживание и защита. Обезьяны часто прибегают к взаимному обыскиванию, которое заключается в очищении кожи от слоев

отмершего эпидермиса и соринки. Во время похолодания обезьяны, соединяясь вместе, обогревают друг друга. Молодые обезьяны постоянно объединяются для игр. В естественных условиях обезьяны подвержены опасности нападения со стороны хищников, против которых они обороняются сообща.

Эти непосредственные биологические факторы стадного объединения обезьян как бы обрастают производными факторами — прочной взаимной привязанностью. Взаимное тяготение особей друг к другу бывает настолько велико, что, например, разлучение таких обезьян, как шимпанзе, является причиной их серьезных нервных расстройств и оказывается жестоким для них наказанием.

В структурном отношении стадо представляет собой, например у павианов-гамадрилов, объединение из 20— 30 особей, в котором, как правило, один из самцов является вожаком. Во взаимоотношениях обезьян наблюдается соподчинение слабых особей более сильным, энергичным, активным. Сравнительно сложные и постоянные формы связи между обезьянами в стаде являются основой их взаимной как звуковой, так и двигательной сигнализации.

С точки зрения генезиса речи нас прежде всего должны интересовать звуковые формы сигнализации, явившиеся естественной основой, на которой возникла речь человека.

Цитоархитектонические исследования мозга обезьян показывают, что у них не существует мозговых центров речи, в частности центра Брока. Исследования многих антропологов, в том числе В. В. Бунака, показали, что у обезьян, особенно человекообразных, периферический голосовой аппарат (подъязычная кость, хрящи гортани, щитовидный, перстневидный, черпаловидный, надгортанный и другие хрящи, мускулы гортани, связочный аппарат, нёбная занавеска, язык и т. п.) в некоторых отношениях имеет сходство с речевым аппаратом человека. Это обеспечивает обезьянам возможность произносить довольно разнообразные звуки. Наличие у обезьян мягкого нёба с язычком дает возможность продуцировать не только носовые, но и ротовые звуки, хотя, как указывает В. В. Бунак, ограниченная роль ротового резонатора при малом расстоянии между нёбной занавеской и входом в гортань, а также направление выдыхаемого воздуха главным образом через нос, являясь существенной причиной бедности звуков животных, и обуславливает произнесение в основном носовых звуков. Обезьяны произносят как звонкие, так и глухие звуки.

В образовании звуков активное участие принимают легкие, гортань, маленький язычок, губы, язык, зубы и жевательные мышцы. В звуковом составе обезьян выделяются гласные и согласные звуки. Ввиду слабой

развитости артикуляционных движений большинство составляют гласные звуки. Мы не можем согласиться с утверждениями Н. А. Тих о том, что у гамадрилов мы находим почти все основные гласные, свойственные человеческой речи, а именно: а, и, е, о, ы'. Такое сближение, или, точнее, отождествление, звуковых единиц членораздельной речи человека со звуками низших обезьян неправомерно. Тем не менее в диффузных, нечленораздельных звуковых комплексах, произносимых обезьянами, можно вычленить отдельные элементы, в какой-то степени напоминающие указанные выше гласные звуки. Ни один из звуков не произносится обезьянами изолированно. Все они являются искусственно вычлененными элементами нечленораздельного комплекса 2.

Некоторые авторы, например Н. Ю. Войтонис, выделяют 9 звуковых комплексов, другие, например Н. А. Тих, насчитывают их 18. Нам представляется, что здесь речь идет об отдельных мало ощутимых и объективно мало значимых или вовсе ничего не значащих оттенках основных звуковых комплексов. Эти оттенки касаются больше, например, силы и высоты крика, визга и т. п., т. е. того, что по существу невозможно передать буквами, а поддается только фиксации при 'помощи звукозаписи. Более или менее отчетливо фиксируются именно вышеуказанные звуковые комплексы. При этом каждый из них приурочен к определенной объективной ситуации и выражает соответствующее эмоциональное состояние животного, связан с определенным кругом восприятия, отражением тех или иных предметов, явлений и их отношений 1.

Значительно выше как по своему интеллекту, так и по характеру звуковой сигнализации стоят человекообразные обезьяны: гиббоны, орангутанги, гориллы и шимпанзе. Так, гиббоны способны издавать звуки с правильной нарастающей высотой тона в пределах нескольких октав и составляют почти единственную группу млекопитающих, поющих, подобно птицам, с гармонической модуляцией. Выражая угрозу, горилла обычно произносит звуки, напоминающие лай, который переходит затем в раскатистые резкие, произносимые с некоторыми интервалами звуки, которые слышны за несколько километров. Эти обезьяны произно

Так, например, звуковой комплекс «о-о-у...» приходилось слышать ночью, когда мы пытались приблизиться к спящему стаду. Услышав наш шорох, одна из обезьян однократно произносила этот звук, в ответ на этот сигнал все стадо просыпалось и быстро поднималось с земли на кроны деревьев. Н. А. Тих отмечает, что аналогичные звуки обезьяны произносят после того, как разлучают сблизившихся между собой особей, и что эти звуки выполняют функцию взаимного призыва. Скорее всего они выражают состояние тревоги, и вряд ли их можно рассматривать как направленный призыв.

Звуковой комплекс «мля-мля-мля...» произносится преимущественно взрослой обезьяной, когда она обращается к своему или чужому детенышу. Эти звуки выражают эмоцию расположения, устремление приблизить его к себе, приласкать, защитить, покормить. ' < Звуковой комплекс «ц-ц-ц...» произносится в ситуации, когда самка обращается к вожаку, «подставляется» ему, стремясь его обыскивать. Большой интерес представляет тот факт, что этот звуковой комплекс произносится всегда во время самого процесса обыскивания, особенно в начале этого действия. Поэтому у обезьян возникла прочная связь между этими звуками и соответствующими действиями при обыскивании. И когда самка приближается к вожаку, произнося эти звуки, то они выступают объективно в роли своего рода просьбы на разрешение обыскивать его, т. е. сигнализируют (в сочетании с определенными движениями) о характере устремления самки. В ответ на эти звуки и соответствующие движения вожак позволяет себя обыскивать, а иногда отталкивает самку.

Звуковой комплекс «ак-ак-ак...» произносится обезьяной в тревожной ситуации: при приближении вожака или другой сильной обезьяны, при взятии корма на виду у вожака или у другой сильной обезьяны, при восприятии необычного предмета, животного и т. п. Этот звук переходит сразу же в резкий, пронзительный крик «а-э-э-э...» при явной опасности или «обиде» со стороны более сильной обезьяны. Выражая тревожное эмоциональное состояние, эти звуки часто носят обращенный характер, адресуются к вожаку, у которого слабая обезьяна ищет защиты, покровительства. Этот сигнал ориентирует вожака, порой направляет его карающие действия на обидчицу. бит кудахтающие звуки, выражающие призыв. У горилл преобладают гортанные звуки «г» и «х» и протяжные «у» '. Из всех антропоидных обезьян наиболее подробно изученными являются шимпанзе².

По сравнению с низшими обезьянами, например павианами-гамадрилами, звуки шимпанзе носят более дифференцированный характер не только в акустическом, но и в функциональном отношении. Так, звуки «ох», по-видимому, выражают чувство, родственное удивлению, «ий» — гневу, «у» — неудовлетворению и т. п.

Двигательные средства сигнализации. Подчеркивая весьма важное биологическое значение звуковых сигналов в стадной жизни животных, нельзя вместе с тем упускать из виду и тот факт, что для животных вообще, обезьян — в частности, огромное значение имеют различные двигательные реакции. Двигательные формы сигнализации, например у обезьян, осуществляются главным образом при помощи жестов, мимики, пантомимики и движений головы. Это и понятно. Поведение животных, их действия являются основной формой выражения их элементарного, конкретного мышления, его реальной действительностью. А то, что служит формой

реализации восприятия, мышления, неизбежно выполняет в то же время и функцию общения. Так, например, действия вожака стада обезьян: направление его движений, скорость, с которой он перемещается, объект, на который направляются его действия, и т. п.— все это с большим вниманием воспринимается членами данного стада и вызывает определенную ответную реакцию с их стороны: следование за ним, приближение к нему, удаление и т. п. В ходе эволюции данного вида животных, в процессе индивидуального развития каждой особи в условиях стадного существования многие движения животного превратились в условный раздражитель, сигнализирующий об определенном безусловном раздражителе, с которым он вступил в прочную, закрепившуюся в результате многократного повторения связь. Поэтому было бы правильным считать, что все тело, все органы, а не только звуки животных «говорят» своими движениями о том или ином состоянии, побуждая других животных к определенным действиям. На существенное биологическое значение так называемых выразительных движений животных многократно указывали Ч. Дарвин, В. Вундт, В. Вагнер, В. Кёлер, Н. Н. Ладыгина-Коте, Н. Ю. Войтонис, Н. А. Тих и др.

Учитывая ту колоссальную роль, которую сыграла рука в формировании человека, нас в первую очередь должны интересовать те сигнальные движения, которые осуществляются руками.

Передние конечности обезьян как по своему строению, так и по функции существенным образом отличаются от таковых у более низко организованных животных. Не только у человекообразных обезьян, но и у низших обезьян, например павианов-гамадрилов, передние конечности обладают некоторым сходством с человеческой рукой по устройству кисти и пальцев. Руки обезьян выполняют двойную функцию: служат средством передвижения и естественным орудием, с помощью которого обезьяна манипулирует предметами, осуществляет определенные действия. Когда обезьяна сидит, то ее руки высвобождаются от функции опоры и часто выполняют роль средства сигнализации.

Основываясь главным образом на материале, собранном и систематизированном Н. А. Тих, В. Кёлером, и частично на собственных наблюдениях, мы попытаемся проанализировать основные сигнальные функции руки обезьян, а также движений других частей их тела.

«Жест подзывания»'. Глубоко правильна мысль Ч. Дарвина о том, что используемый человеком жест подзывания, как и другие жесты и выразительные движения, ставшие вспомогательным средством взаимного общения людей, своими генетическими корнями уходит в мир животных и вырос из непосредственных движений приближения одной особи стада к другой. Нам не раз приходилось наблюдать случаи, когда вожак стада павианов-гамадрилов производил движение рукой, как бы приглашающее

другую обезьяну к обыскиванию. Внимательно прослеживая за такого рода действиями, можно видеть не только функционирование этого жеста, но и путь его становления, т. е. его генезис. Как правило, вожак производит движение рукой (правой или левой) вперед и к себе, смотря при этом на самку, в том случае, когда он находится в спокойном состоянии и когда самка в ответ на это движение быстро реагирует — подбегает к нему. В иных ситуациях, когда вожак возбужден и самка пассивна, он привстает, делает попытку идти к ней, снова садится, снова встает и пытается идти. Вожак повторяет эти действия до тех пор, пока самка, к которой направлены эти движения и взор, не подходит к нему. Будучи в еще более возбужденном состоянии, выражая свое «нетерпение», вожак встает и подходит к самке. Иногда она опережает его, встречая на полпути. Такие «развернутые» действия, приобретшие в силу условной связи значение сигнала призыва, постепенно сокращались, приобретая иногда чисто условную форму и функцию жеста. Движения руки, выполняющие роль под-звания, наблюдаются и в иной форме. Так, например, самка, находясь на некотором расстоянии от своего детеныша, протягивала к нему обе руки, как бы пытаясь его обхватить. В ответ на этот сигнал детеныш быстро подбегал к ней, самка обхватывала его и начинала кормить или обыскивать.

«Жест указания». Наблюдаются многочисленные случаи, когда обезьяна побуждает другую обезьяну следовать за собой, воздействуя на нее не физически, а с помощью сигнальных движений, имеющих характер указания. Так, например, вожак стада, пытаясь увлечь за собой самку, подходит к ней, садится рядом, тут же встает, отходит, постоянно оглядываясь, возвращается, снова идет вперед и оглядывается. В ответ на эти движения самка следует за ним. Поворот головы назад к самке и вперед по направлению его движения воспринимается как кивок в ту сторону, куда он идет, увлекая за собой самку. В случае, если самка не следует за вожаком, то он обнимает ее и насильно увлекает за собой.

Очень часты случаи, когда обезьяна, находясь в состоянии конфликта с другой обезьяной, подбегает к вожаку и, пытаясь добиться его помощи, последовательно поворачивает голову и быстро бросает взгляд то на него, то на обезьяну-обидчицу, как бы фиксируя этими кивками его внимание на последней. Вожак, иногда вступаясь за обиженную, бросается на обидчицу, особенно если обиженная является его «приближенной». Обобщая аналогичные факты, Н. Ю. Войтонис пишет: «В некоторых случаях мы, по-видимому, стоим прямо у рубежа, за которым рождается указательный жест»¹.

Наблюдая за двигательными формами взаимной сигнализации у шимпанзе на о. Тенерифе, Кёлер отмечает, что эти обезьяны при помощи жестов выражают не только свои эмоциональные состояния, но и желания, побуждения, направленные на других обезьян или на другие предметы.

Согласно Кёлеру, самый распространенный способ общения при помощи жестов состоит в том, что шимпанзе V начинает выполнять то движение или действие, которое она намеревается произвести или к которому пытается побудить другую обезьяну: осуществляет начальные движения ходьбы, когда стремится увлечь за собой другую обезьяну, подталкивает ее, пытается хватать, когда желает получить у другой обезьяны или человека какую-либо пищу. Все эти жесты, как и многие другие, непосредственно связаны с самим действием, от которого они постепенно отпочковываются, превращаясь в средство его обозначения. Это подтверждает правильность мысли В. Вундта о том, что указательный жест, являющийся самой примитивной формой общения в развитии речи, не наблюдается у других животных, у обезьян же этот жест находится на переходной ступени между хватательным и указательным движением.

«Жест угрозы». Как указывал Ч. Дарвин, жест, с помощью которого один человек угрожает другому, потрясая кулаками в воздухе или стуча по столу, вырос из непосредственных движений драки, в которые он иногда и превращается. У обезьян жест угрозы, не сопровождаясь большей частью никакими звуками, всегда связан со сложным комплексом дополнительных движений: порывистыми движениями всего корпуса тела вперед, приседанием, вскидыванием бровей, округлением глаз. В зависимости от степени остроты конфликта между обезьянами жесты угрозы, по свидетельству Н. А. Тих, видоизменяются по своей форме и интенсивности, начиная от едва заметного движения одной рукой, вроде притоптывания, и кончая энергичным наскокиванием на противника. Сигнал угрозы возникает при разных формах взаимоотношения обезьян и имеет поэтому различный объективный смысл: запрет совершать какое-либо действие (брать корм, прикасаться к детенышу и т. п.), побуждение к действию, ответ на угрозу и т. п. Ответными реакциями на этот сигнал являются прекращение начатого действия, отступление слабой особи. Одним из очень распространенных средств выражения угрозы является взгляд и движение бровей. Можно наблюдать бесконечное число случаев, когда вожак стада, сидя спокойно, не произнося никаких звуков и движений рукой, одним взглядом и движением бровей оказывает исключительно эффективное регулирующее воздействие на членов стада: запрещает брать корм, прекращает драку, разрешает конфликт, отстраняет от себя нежелательную самку, сгоняет с удобного места любую обезьяну и т. п. Достаточно одного, порой трудно уловимого человеком движения бровей вожака, как другая обезьяна бросается в сторону с резким, пронзительным криком или, наоборот, приближается к нему. При этом мимические движения обезьян адресованы к определенной особи.

«Жест расположения или разрешения». Во взаимоотношениях вожака и самок довольно часто наблюдаются другого рода движения: например, самка подходит к вожаку, поворачивается к нему хвостом, пытаясь добиться его расположения к себе. Вожак накладывает одну или обе руки на ее бедра или

имитирует акт покрывания. В ответ на эти действия самка поворачивается к вожаку лицом и начинает его обыскивать.

«Жест отстранения». Иногда вожак в ответ на указанную реакцию самки отталкивает ее от себя руками, и самка с криком отбегает в сторону. Н. А. Тих отмечает, что аналогичные сигналы производятся обезьяной и в виде движения рукой в воздухе, напоминающего отмахивание от мух. Это бывает в случаях, когда более сильная обезьяна старается согнать с удобного места более слабую. В результате последняя покидает данное место. Своеобразной модификацией жеста отстранения является отворачивание вожаком головы в сторону от обезьяны, просящей о помощи. Последняя в таких случаях прекращает свои домогательства.

«Жест просьбы». С точки зрения генезиса изобразительных движений рукой большой интерес представляют те движения, которые в самом условном смысле можно было бы назвать жестом просьбы. Нам не раз приходилось наблюдать случаи, когда самка подходит к вожаку стада, произносит звуки «ак-ак-ак...», смотрит ему в глаза, протягивает при этом одну руку к его шерсти и, не прикасаясь к ней, производит рукой в воздухе движения, в сокращенном виде воспроизводящие движения при обыскивании. Самец накладывает свои руки на ее бедра. Она поворачивается, приближается к нему, произносит цокающие звуки «удовлетворения» и начинает обыскивать его.

Наряду с вышеописанными жестами обезьян у них наблюдаются и другие, например движения взаимного объятия при встрече, имитация покрывания, жесты контакта, выражающиеся в легком прикосновении к шерсти другой обезьяны, и т. п.

Существенным фактом, заслуживающим большого внимания наблюдателя за стадной жизнью обезьян, является то, что все вышеописанные двигательные сигналы носят адресованный характер, они направлены к определенной обезьяне, выражают активное побуждение к совершению определенного действия и являются важной формой взаимной сигнализации этих высокоорганизованных животных.

Таковы основные средства, с помощью которых обезьяны осуществляют взаимную сигнализацию в естественных условиях своей жизни. Все эти средства сигнализации существенным образом отличают обезьян от других, ниже их стоящих животных и являются одним из важных объективных показателей сравнительно высокого уровня их интеллектуального развития.

Известно, что каждый организм обладает огромным запасом еще не осуществившихся возможностей как в физиологическом, так и в психическом отношениях. То, что в виде своего рода дремлющих сил, или потенциально, заложено в психике животных вообще, обезьян — в

частности, и лишь спорадически проявляется в естественных условиях их существования, наиболее полно и систематически раскрывается в искусственно созданных условиях эксперимента. Само собой понятно, что никакой самый искусный эксперимент с животным не может создать того, чего в качестве возможности не было бы заложено в самом животном. Но также понятно и то, что эксперимент при условии умело подобранной системы стимуляции может превратить свернутую естественную возможность в раскрытую действительность. Иначе говоря, эксперимент дает возможность уяснить уровень развития поведения животного в его перспективе, что имеет существенное значение для решения проблемы биологических предпосылок к возникновению человеческой речи.

Экспериментальные исследования, направленные на выяснение средств общения у обезьян, велись учеными в двух планах: вырабатывались как звуковые, так и двигательные сигналы. Многочисленные опыты, проведенные Н. А. Тих и ее сотрудниками, со всей убедительностью показали, что если в качестве исходного материала взять звуки обезьяны, связанные с какими-либо ее эмоциями, то выработать произвольную звуковую сигнализацию, выражающую требование какой-либо приманки, оказывается невозможным.

Но у обезьян значительно легче вырабатываются навыки двигательной сигнализации. Так, например, Л. И. Улановой были проведены опыты, которые ставили своей задачей выяснить, возможно ли научить обезьян подавать условные знаки, сигнализирующие о потребности в пище, и при этом разными знаками выражать потребность в разном сорте пищи. Результаты этих опытов показали, что обезьяну можно научить подавать рукой сигналы, предварительно приучая ее складывать пальцы в разных комбинациях.

Автору этих строк в 1939, 1940 и 1946 гг. пришлось проводить эксперименты с обезьянами по выработке двигательных сигналов — жеста указания на определенный предмет, зачаточных форм изобразительного жеста, ответных реакций на жесты экспериментатора и др.

Экспериментальные исследования показали, что низшие обезьяны обладают способностью к двигательному подражанию и что они сравнительно легко научаются правильно реагировать на жесты, эскизно изображающие те действия, к совершению которых обезьяна побуждается со стороны экспериментатора. Эти опыты вместе с тем убеждают нас в том, что обезьяны стоят значительно выше по своим возможностям адекватно реагировать на сигналы человека, чем по способностям сигнализировать сами. В этом отношении невольно напрашивается аналогия с особенностями развития речи у ребенка, у которого пассивная речь, т. е. понимание речи других, всегда опережает в своем развитии активную речь, т. е. умение са-

мого говорить. Такое соотношение, по-видимому, является общей закономерностью, характерной и для развития речи ребенка и для сигнальной деятельности животных.

Сравнительный анализ как звуковых, так и двигательных сигналов показывает, что движения, жесты играют важную сигнальную функцию в жизни обезьян. Многие исследователи неоднократно отмечали тот факт, что у обезьян наиболее высоко развитыми являются зрительный и моторный анализаторы, т. е. те нервно-мозговые аппараты, с деятельностью которых связана именно двигательная сигнализация. Двигательные сигналы (мимика, жесты и т. п.) более тесно связаны с действиями, посредством которых обезьяны удовлетворяют свои биологические потребности: пищевые, сексуальные и т. п. Именно двигательные сигналы являются основной формой проявления мышления обезьян, носящего по своей природе наглядно-образный и действенный характер.

Звуковые сигналы, играющие очень важную роль в жизни обезьян, в значительно большей степени, чем жесты, движения, связаны с эмоциями, они более опосредствованно связаны с действиями животных и тем более с предметами, на которые направляются эти действия. Само устройство голосового аппарата, характер расположения частей голосовых связок у обезьян указывает на то, что звуки, произносимые обезьянами, носят произвольный характер и являются результатом не индивидуального развития данной особи, а передаются по наследству, хотя реальный сигнальный смысл инстинктивно издаваемых звуков формируется в процессе индивидуального развития животного, в процессе его взаимоотношения с другими членами данного стада.

Как общебиологическое, так и физиологическое объяснение выразительных движений у животных, в том числе звуковых сигналов, впервые дал Ч. Дарвин, который в решении этих вопросов вплотную подошел к раскрытию условно-рефлекторного механизма, столь обстоятельно впоследствии обоснованного И. П. Павловым и его учениками. Из всех принципов, которые были вскрыты Дарвином, следует особо выделить принцип ассоциации полезных привычек и принцип иррадиации нервного возбуждения. Дарвин писал, что «при сильном возбуждении сенсорной сферы мышцы тела вообще приводятся в состояние сильнейшей деятельности; в результате этого животное издает громкие звуки, сколь бы молчаливо оно ни было вообще и как бы мало полезны эти звуки ни были... Невольные и бесцельные сокращения мышц груди и гортани, возбуждаемые вышеописанным образом, и послужили, быть может, начальным толчком к издаванию голосовых звуков»¹. Как замечательно показал Дарвин, выразительные движения, являющиеся результатом тех или иных эмоций (ярости, страха и т. п.), связаны с определенными действиями животного: нападением на другое животное, защитой, сексуальными актами и т. п. Когда

животное приходит в состояние сильного эмоционального возбуждения, например при ярости, стремясь напасть на другое животное, то у него ускоряется дыхание, изменяется сердцебиение, усиливается кровяное давление, напрягается мускулатура, поднимается шерсть, оскаливается пасть, обнажаются зубы и т. п. По мысли Дарвина, эти произвольные движения, 'предваряющие жизненно важные акты поведения, имеют очень большое значение, служа средством общей мобилизации организма для осуществления напряженной схватки, часто решающей вопросы жизни и смерти животного. В этом общем напряжении организма напрягаются и голосовые органы. В результате животное произвольно произносит звуки. «Изменение глубины и частоты вдоха,— пишет В. В. Бунак,— сопровождается сужением или расширением гортанной щели, напряжением или расслаблением голосовых связок, движением челюстей, языка, мягкого нёба. Создается изменение надгортанной трубки, в результате которого возникает звук» 2.

Вскрыв органический и биологический источники возникновения звуков у животных, Дарвин вместе с тем дал глубоко научное объяснение сигнальной природы голосовых реакций. Он считал, что инстинктивно издаваемые животным звуки появляются одновременно с определенными, полезными для жизни животного действиями. В результате такого совпадения звуки ассоциируются в мозгу животного с соответствующими действиями и в силу этого приобретают биологически важный смысл, предупреждая других животных об опасности, наличии пищи и т. п.

Согласно учению И. П. Павлова, голосовые и двигательные реакции животных возникают под влиянием конкретного восприятия тех или иных раздражителей, которые в ходе жизни животного получили для него значение безусловного раздражителя. Объективное значение звукового или двигательного сигнала относительно, условно в том смысле, что оно полностью определяется сложившимся в ходе индивидуального развития животного особым отношением к безусловному раздражителю. Иначе говоря, само отношение сигнального звукового или двигательного раздражителя к организму опосредствовано отношением к другому явлению, приобретаемому для организма непосредственный биологический смысл. Звуки и жесты сами по себе не имеют и не могут иметь для животного непосредственного биологического значения. Так, звуки хищного зверя не разрушают маленького животного: это делают зубы и когти хищника. Звуки истребляемого животного не служат пищей для хищника: он питается мясом и кровью своей жертвы. Не имея сами по себе непосредственного биологического смысла для животных, звуковые и двигательные сигналы приобретают опосредствованный биологический смысл: они извещают животное о том, что служит для него средством удовлетворения пищевой, сексуальной и т. п. потребностей, составляет опасность для его жизни. В ответ, например, на такой условный раздражитель, как вид опасного живот-

ного, хищника, другое животное отвечает криком и бегством. Эти реакции, будучи следствием восприятия хищника, выполняют роль причины, вызывающей аналогичные реакции у других членов данного сообщества.

Изложенные выше факты убеждают нас в том, что функционирование как звуковых, так и, в особенности, Двигательных сигналов у животных находится в непосредственной связи не только с эмоциями, но и с познавательными процессами. Животное произносит звуки или производит сигнальные действия, жесты в результате восприятия тех или иных предметов и их связей. Иначе говоря, звуки и жесты являются материальной формой реализации того способа отражения, который характерен для животных. При этом если звуковые и двигательные сигналы всегда связаны с восприятием и конкретным мышлением обезьян, то их восприятия и мышление далеко не всегда связаны со звуками и жестами. Вряд ли можно сомневаться в том, что звуковой сигнал, подаваемый обезьяной, заметившей опасность, вызывает в мозгу другой обезьяны, которая в данный момент не воспринимает этой опасности, то или иное представление об этой опасности, представление, которое базируется на многократном восприятии в прошлом такой же опасности, восприятии, которое неоднократно сочеталось с выражением аналогичной эмоции аналогичными звуками. Животное произносит те или иные звуки не потому, что оно преднамеренно желает предупредить или сообщить о чем-либо другому животному, а, наоборот, оно предупреждает или сообщает ему о чем-либо потому, что оно произносит соответствующие звуки, возникновение которых обусловлено не внутренними соображениями, а внешними воздействиями, на которые животное непосредственно реагирует, не соображаясь с тем, какие последствия эти звуки могут вызвать. Если и можно говорить о наличии преднамеренной направленности звуковых сигналов у таких высших животных, как антропоидные обезьяны, то лишь в самой зародышевой форме. Звуки животных, явившись генетической предпосылкой начальных ступеней человеческой речи, сами по себе не являются речью ни по своей функции, ни по структуре.

Чтобы понять причину скудости звуковых и двигательных средств общения у животных, следует иметь в виду, что даже антропоидные обезьяны обладают мышлением лишь в его зачаточной, элементарной форме. Отсутствие у животных речи объясняется не только низким уровнем развития их мозга, мышления по сравнению с человеком, но и, самое главное, тем, что лежит в основе развития мозга, мышления и речи,— довольно бедными взаимоотношениями обезьян с действительностью и между собой в условиях стадного существования. Отражение действительности обезьяной не опосредовано звуковыми и двигательными средствами общения, хотя сигнальная функция средств общения всегда опосредована отражением действительности. Животные вообще, обезьяны — в частности, воспринимают окружающий мир, так сказать, лицом к лицу, а не

через опыт коллектива, как это имеет место у человека. Их взаимоотношение с окружающей природной средой ограничивается приспособлением к среде, собиранием готовых продуктов питания и защитой от хищных зверей. Их же взаимоотношения в рамках данного стада ограничиваются моментами спаривания, ухода за детенышем и взаимным обыскиванием. Это, пожалуй, самое главное, что их соединяет, что создает условия для общения. В основном же, живя территориально в сообществе, каждая особь живет своей особой индивидуальной жизнью. В жизни обезьяньего сообщества нет единого объединяющего начала, в котором могла бы концентрироваться их совместная, прочно спаянная жизнь. У них нет ни единой цели, ни единых средств ее удовлетворения, словом, у них нет ни трудовой деятельности, ни средств ее осуществления — орудий. Этим именно и объясняется, что у обезьян нет потребности в речевом общении. Грубо говоря, обезьяны не нуждаются в речи потому, что им нечего оказать друг другу. И психолог Иеркс неправ, когда он утверждает, будто бы у обезьян есть что сказать, но сказать они не могут. То небольшое, что животные, «даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи»¹. Однако общий уровень развития антропоидных обезьян: сложное строение мозга, органов чувств, периферического голосового аппарата, пятипалой конечности, сложные формы психической деятельности, средства общения (звуковые и двигательные), стадный образ жизни со сравнительно сложными взаимоотношениями особей внутри стада — все это резко выделяет этих высших животных из всего остального животного царства. Антропоидные обезьяны находятся на таком уровне развития, который был, видимо, характерным для далекого, еще животнобразного предка человека, находившегося на пути к началу трудовой деятельности в условиях коллектива, формированию членораздельной речи и сознания. Условия формирования языка и способы связи между звуком и 'образом

Что касается вопроса о том, какие объективные условия могли породить у предков человека потребность во взаимном общении, то на него может быть дан такой ответ: потребность во взаимном общении родилась в условиях коллективной трудовой деятельности, направленной на удовлетворение материальных потребностей человека. Объяснение возникновения языка из процесса совместного труда и вместе с трудом является, по словам Энгельса, единственно научным и правильным. Язык возник закономерно как необходимое орудие связи людей с природой через их взаимную связь между собой, которая неизбежно складывалась и упрочивалась в процессе труда, коллективной охоты на крупных животных.

Начало формирования речи обычно связывают с переходом полуживотного предка человека к искусственному изготовлению и систематическому использованию орудий трудовой деятельности. Это и понятно. Переход к изготовлению орудий, вызванный целями охоты, был

связан с существенной перестройкой во всем образе жизни первобытного человека, во взаимоотношениях людей, а также в характере их мышления, что не могло не получить своего выявления и в средствах взаимного общения. Изготовление искусственных орудий и их использование поставило первобытных людей перед необходимостью более тесного контакта между собой, более упорядоченного контроля и наблюдения со стороны одних за деятельностью других, более частых случаев надобности в обмене опытом, навыками и впечатлениями. Формируясь как важнейшее средство взаимного общения людей, речь вместе с тем формировалась и как необходимое орудие мышления. Выражаемое с помощью речи мышление в ней и осуществлялось. По мере развития мышления, основанного на развитии трудовой деятельности, вместе с мышлением развивалась и речь.

Исследование проблемы происхождения речи требует выяснения не только условий, породивших потребность в общении, но и выяснения того, какие средства могли быть использованы для удовлетворения этой потребности. Высшие обезьяны, типа австралопитеков, а потом и питекантропы, унаследовали от своих предшественников, более низко организованных обезьян, сравнительно высокоорганизованное строение анатомо-физиологического аппарата при помощи которого они могли произносить весьма разнообразные звуки, порядка нескольких десятков. Унаследованные от животных предков звуки и послужили основным материалом, или биологической предпосылкой, формирования звуковой речи человека. Признавая генетическую связь между человеком и животными, мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала языка. Вторым, дополнительным источником возникновения звукового материала для формирования и дальнейшего развития речи послужили многочисленные звуки других животных, а также звуки природы, которым не могли не подражать первобытные люди, обладавшие, по всей вероятности, вообще более высоко развитыми способностями к подражанию, чем это имеет место у животных, в особенности у обезьян. И, наконец, третьим источником уже развития звукового материала речи послужили всевозможные видоизменения наличных звуков.

В решении проблемы происхождения языка нельзя обойти такой важный и вполне закономерный вопрос: какими могли быть способы связи между звуком и образом предмета?

Для нас теперь вопрос о том, почему тот или иной предмет называется тем, а не иным словом, кажется, не имеет смысла. Мы не усматриваем в соотношении наименования и наименованного необходимой связи. А между тем этимологический анализ слов убеждает нас в том, что наименование предметов, как правило, носит вполне мотивированный характер '.

В решении этого вопроса следует четко разграничить два плана: генетический и современное состояние языка. Что касается современного состояния, то наименование предметов происходит с учетом уже исторически сложившегося значения слова. И мотивированность названий определяется не материальной, а смысловой стороной слова. Совсем по-другому исторически возникало наименование предметов, когда еще не было никакой языковой традиции, когда полуживотные предки человека унаследовали от животных звуки, не имеющие того смыслового содержания, которое они приобрели впоследствии.

По своему физиологическому и психологическому механизму возникновение речи является результатом прочной фиксации в мозгу условнорефлекторной связи или ассоциации между определенным звуком, который человек слышал и произносил, мускульным движением речевых органов, образом предмета, который вызывал данную звуковую реакцию, и, наконец, впечатлением от тех последствий, которыми сопровождался данный звук. В силу еще слабо развитых внутренних тормозных процессов в коре головного мозга безудержные эмоции пронизывали собой всю деятельность дикаря, получая свое материальное воплощение как в различного рода органических движениях, так и во внешних движениях: мимике, пантомимике, жестах и, наконец, в движениях мышц речевого аппарата, продуцировавших всевозможные звуки. Ввиду того что возникновение различных эмоций вызывалось воздействием различных предметов и явлений внешнего мира, нет ничего удивительного в том, что ассоциативная связь между определенным комплексом предметов и звуковым комплексом, сигнализовавшим о них, могла осуществляться и через эмоциональную сферу первобытного человека. Этот принцип связи между предметами и звуковыми комплексами включал в себя довольно широкий круг явлений: эмоциональные выкрики в ситуации угрозы, нападения, призыва, драки, удовлетворения тех или иных потребностей, предупреждения, побуждения, произнесение звуков, сопровождавших те или иные трудовые операции, и т. п. В силу того что наши предки были общественными животными, жили и трудились в условиях стада, неоднократно издаваемые ими звуки в определенной ситуации, воздействуя на кору их мозга, вызывали образование временной связи между данными звуками и тем, что их сопровождало. Постоянно меняющиеся и варьирующиеся объективные раздражители, тысячекратные повторения на практике этих связей — все это обуславливало дифференциацию и обобщение этих связей и их усложнение. Развитие аналитико-синтетической деятельности слухового и речедвигательного анализаторов происходило под постоянным контролем жизненной практики. Многократное удовлетворение соответствующей потребности организма служило средством подкрепления целесообразной голосовой реакции и адекватного восприятия звуков, закрепляя в мозгу полезные связи а неудачи затормаживали ненужные, нецелесообразные связи.

Поворотным пунктом, отделяющим начало развития речи в собственном смысле этого слова от сигнализации животных, явился, как можно предположить, тот период во взаимном общении человеческого предка, когда нечленораздельный звуковой комплекс перестал быть связанным с эмоциями и вступил в связь с реальными предметами или, говоря точнее, с образами этих предметов, а образы — со звуковыми комплексами. Звук из средства произвольного выражения эмоции превратился в средство преднамеренного обозначения предметов. Этот переход осуществился вместе с переходом в процессе труда психики высших животных в примитивное стадное сознание человека. Только тогда, когда определенный комплекс звуков вступил в связь преимущественно с определенной деятельностью человека и предметами, включенными в нее, и постоянно воспроизводился с появлением этих действий и предметов, только тогда животнообразные звуки превратились в элементарную речь человека. На эту особенность человеческой речи, отличающей ее от сигнализации животных, указывали исследователи прошлого'. Так, Р. Декарт отмечал, что знаки речи, служащие для изображения объектов, не имеют отношения к выражению страдания или других аффектов. Декарт исключил из языка не только звуковые выражения боли и радости, но также и то, что приобретается путем дрессировки.

В процессе образования условнорефлекторной связи между звуковыми комплексами, их слухо-двигательными ощущениями, определенными эмоциями, образами предметов и действиями, по всей вероятности, огромную роль играли мимика и всевозможные жесты '. Жест определял направленность звука и тем самым закреплял его за определенным предметом, превращая звук, выражавший эмоцию, в знак вещи. В ходе трудовой деятельности, которая на начальных ее этапах осуществлялась еще без тесного контакта и сплоченности стада, постепенно развилась способность к преднамеренному воздействию одной особи на других членов стада при помощи звуков и жестов. Осмысленный характер общения включает в себя осознанное отношение слова к обозначенному предмету и к предполагаемому результату воздействия произносимого слова на другого человека. Это и составляет сущность человеческой речи с самого начала ее возникновения. Таким, по-видимому, был основной способ образования связи между звуком и образом.

В истории науки велось немало споров о том, в какой мере первобытный язык обязан своим происхождением принципу звукоподражания, т. е. в какой мере названия были составлены в подражание звукам, характеризующим предметы и действия, обозначаемые этими названиями. Нет никаких оснований считать, что звукоподражание не играло никакой роли в процессе формирования языка, так же как нет оснований и для того, чтобы считать звукоподражание основным и тем более единственным способом образования связи между звуком и образом. По всей вероятности, звукоподражание играло известную роль в процессе формирования языка. Но

эта роль была очень ограниченной, и не она определила общую линию формирования языка.

Сфера действия звукоподражания была ограничена теми предметами и явлениями, которые могли производить звуки. Это, разумеется, совсем не означает, что все способные издавать звуки предметы наименовывались только по этому принципу. Звукоподражание, по-видимому, не было, не могло быть совершенно точным. Необходимо было только то, что его могли узнавать в реальном контексте жизни те, к кому оно было обращено. В любом современном языке существует довольно большое количество слов, в которых еще отчетливо чувствуется на слух их звукоподражательная природа. Даже не занимаясь специально кропотливым подбором подобного рода 'слов, а приводя те из них, которые случайно всплывают в памяти, можно было бы составить длинный их перечень, не допуская при этом никаких натяжек'. Это только некоторые корневые слова, на базе которых образовано несколько сот производных слов. Таким образом, слов звукоподражательного характера в языке существует далеко не ничтожно малое количество. При этом все они являются широко распространенными общими словами, выражающими бытовые понятия, которые, по всей вероятности, сложились у человека в основной своей массе еще в глубокой древности.

При рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду и то обстоятельство, что слова современного языка отстоят от своей колыбели по времени на сотни тысяч лет, претерпев на своем долгом пути несметное количество переносов с одного предмета на другой; слова заимствовались из других языков, срачивались с другими словами, подвергались неоднократным внутрисконструктурным звуковым изменениям. Они сокращались и увеличивались, обрастали сложной системой морфем и т. п. И было бы просто чудом, если бы в зрелом облике большинства звукоподражательных слов мы смогли узнать природную наивность их раннего детства².

Проявление принципа звукоподражания стало осуществляться, по-видимому, значительно позже, чем использование звуков, унаследованных от животного предка. Звукоподражание предполагает преднамеренное наименование предметов и явлений на основе выделения одного из характерных для данного предмета признаков, воздействующих на слух первобытного человека.

Звуковой раздражитель опять-таки по принципу ассоциации связывался в мозгу человека со зрительным образом этого предмета. Подражание этому звуку порождалось потребностью сообщить другим членам коллектива об этом предмете. Образовывалась и закреплялась прочная условная связь между образом и мыслью о предмете, издававшем звук, со слуховым образом

звука и с кинетическими ощущениями речедвигательного аппарата. Таким образом, звукоподражание было также основано на принципе условнорефлекторной связи, которая, в отличие от эмоциональных звуков, осуществлялась преднамеренно. Звуковой комплекс, подражательно изображающий один из характерных признаков предмета — звучание, становился наименованием предмета в целом. И не только именно данного индивидуального предмета, а распространялся на весь класс однородных предметов, являясь средством их обобщенного отражения. Связь слова с обозначаемым предметом была сначала довольно ощутимой и потому вполне доступной примитивному сознанию дикаря. Из всех способов голосовой сигнализации подражательные звуки всего понятнее и ощутимее выражают представление данного предмета или действия. Тот факт, что язык детей включает в себе немалый звукоподражательный элемент, говорит за то, что принцип, играющий какую-то роль в детской речи (несмотря на социальную речевую среду), должен был играть какую-то роль и в происхождении языка. Но в каких размерах этот принцип играл роль в генезисе языка, трудно сказать даже приблизительно.

Итак, в основе наименования предметов и явлений реального мира лежал не один какой-либо принцип, а не этим термином все монеты, так как однажды увидел изображение орла на одной французской монете (см. Д. Романс, Духовная эволюция человека, М. 1905, стр. 403—404) сколько принципов. Первобытный человек использовал все доступные ему возможности для удовлетворения своей настоящей жизненной потребности во взаимном общении.